

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А39

Редактор серии *Т. Масленникова*

Оформление серии *А. Ивановой*

Коллаж на обложке *Е. Поздняковой*

Акимова, Анна.

А39 Укол гордости : [роман] / Анна Акимова. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Кабинетный детектив).

ISBN 978-5-04-101397-4

У Вари Иваницкой есть крыша над головой, любимая работа в Институте биологических проблем, подруга Ида, которая пытается заставить ее жить по своим правилам, и любимая собака — фок-стерьер Персик.

Однажды Варя невзначай подслушивает разговор: какой-то мужчина угрожает Иде смертью. Девушка уверена, что это донжуан и негодяй Сливков, недавно бросивший Иду. Но на следующий день Сливков неожиданно умирает сам! И город захлестывает череда жутких смертей — жертвы погибают со страшной гримасой на лице, а рядом с ними всегда оказывается некая загадочная женщина. Варя решает выяснить, что же убивает несчастных и кто эта роковая незнакомка...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Акимова А., 2019

© Оформление. ООО

«Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-101397-4

1

Бывают такие дни, которые хочется вычеркнуть из жизни. Или провести их во сне, с головой завернувшись в одеяло. Но приходится их проживать, вжав голову в плечи и пытаясь хоть как-то увернуться от пинков судьбы.

То, что для нее наступил именно такой день, Варя Иваницкая поняла не сразу, хотя утро явно не задалось. Она проспала. Катастрофически проспала!

Глянув на будильник, Варя в испуге скатилась с дивана, чуть не наступив на Персика, который мирно дрых себе на полу. Возмущенно рявкнув, Персик метнулся под кресло. Варя, не обращая на него внимания, забежала по квартире. В голове у нее тикал секундомер.

Так, первым делом поставить на плиту кофе, кастрюльку с Персиковой кашей, разбить в сковородку яйцо. Пока все это будет вариться, греться и жариться, она успеет почистить зубы. Потом снять свой и Персиков завтрак с плиты и бежать в душ. За те десять—пятнадцать минут, которые она потратит на гигиенические

процедуры, кофе, яичница и каша остынут до приемлемой температуры, и завтрак можно будет проглотить за одну минуту. Далее — прогулка с Персиком, пятнадцать минут. Выложить подогретую кашу в его миску и замочить кастрюльку — еще две минуты.

Итого, максимум через полчаса она управится со всеми утренними делами и рванет на работу. Если вовремя подойдет автобус, есть шанс не опоздать!

Однако попытка сделать несколько дел сразу и таким образом нагнать безжалостное время окончилась плачевно. Бегая с зубной щеткой во рту из ванной в кухню и обратно, она упустила кофе. Душистая густая пена залила плиту, а Варя досталось полчашки безвкусной, водянистой бурды, оставшейся в джезве. Яичница же почему-то оказалась отвратительно сладкой.

Несколько секунд Варя сидела с набитым ртом, не решаясь проглотить странный продукт. Потом все-таки проглотила и недоуменно уставилась в тарелку.

Варя была исследователем. И по должности, поскольку работала научным сотрудником в Институте биологических проблем, и по духу. Загадочные явления притягивали ее к себе, как Фокса Малдера, ее любимого сериального героя. Феномен сладкой яичницы требовал немедленного разъяснения. То, что она катастрофически опаздывает на работу, на время забылось.

Варя попробовала содержимое солонки — соль была соленой. А сахарница пустой. Варя уже который день забывала купить сахар. Мучимая загадкой, она разбила еще одно яйцо и лизнула пресную скользкую жижу. Н-да... Сладость, очевидно, появлялась только в процессе жарения.

Решив повторить эксперимент, Варя поставила на плиту сковородку и потянулась за маслом. И вот тут-то все сразу стало ясным и понятным.

Масло! «Фруктовое» масло! Черт!

От досады на свою глупость, рассеянность и забывчивость Варя едва не заплакала. Это самое масло, продукт местного маслозавода, она сама купила пару дней назад в супермаркете в смутной надежде испечь на досуге какой-нибудь торт. На упаковке так и было написано: «незаменимо для приготовления кремов и домашней выпечки». На вкус «фруктовое» масло оказалось сладким маргарином, по цвету чуть желтоватым и без всяких отдушек. Что в нем было «фруктового», осталось тайной.

Тортик Варя так и не испекла, про покупку забыла, и сегодня, как назло, проклятое масло попало ей под руку. И как она могла перепутать его с обычным? Обертка совсем другая. Нормальный человек никогда бы не перепутал, а она, с ее проклятой «профессорской» рассеянностью, осталась без завтрака.

Сладкую яичницу не стал есть даже всеядный Персик. Брезгливо выронив из пасти схвачен-

ный было кусок, он заспешил в прихожую и, поскуливая, затоптался у двери, требуя прогулки.

Гулять с Персиком Варя обычно выходила в старых джинсах и футболке, но сегодня, экономя время, сразу натянула то, в чем ходила на работу — светлые летние брюки и любимую цветастую маечку. Подпоясавшись поводком, она открыла дверь, выпустила нетерпеливого Персика, и он весело поскакал по лестнице вниз.

Закрывая дверь, Варя услышала, как где-то внизу хлопнула дверь, а затем послышалось басовитое рычание и оглушительный лай. Она похолодела от ужаса: Громолай!

Когда она в панике, задыхаясь, слетела вниз, по площадке первого этажа катался рычащий и визжащий клубок, мелькали хвосты и лапы, шел смертный бой.

Громолай — крупная и злая сибирская лайка — жил со своим хозяином, отставным подводником Ермолаевым на первом этаже. Настоящее имя Громолая было Гром, а Варя звала его Громолаем Ермолаевым за оглушительный лай и по созвучию с фамилией хозяина.

Громолай и Персик были лютые враги. Все их встречи начинались и заканчивались одним — дракой. Пару раз доходило до больших кровопролитий. В активе Персика был прокушенный Громолаев нос, в активе Громолая — полуоторванное Персиково ухо, которое пришлось потом зашивать у ветеринара. По утрам Громолай и Персик обычно не встречались,

у них был разный прогулочный график, но сегодня все шло наперекосяк.

Бывший подводник Ермолаев относился к агрессивным повадкам своего пса с полным пофигизмом, за что Варя терпеть его не могла. Громолай был в несколько раз больше маленького фокстерьера Персика, и Варя панически боялась, что однажды этот громила загрызет мелкого забияку насмерть. Но убедить Ермолаева не выпускать Громолая в «автономное плавание» было невозможно. Все Варины доводы он называл бабской визготней и не собирался менять ни своих, ни Громолаевых привычек.

Вот и сейчас, несмотря на шум на площадке и Варины крики, он не спешил ей на помощь, хотя наверняка был дома. Безуспешно поколотившись в Ермолаевскую дверь и пометавшись в тщетных попытках разнять собак, Варя совсем отчаялась спасти Персика и, плача, прижалась к стене. Дерущиеся псы то и дело налетали на нее, оставляя собранную с пола грязь на ее светлых брюках.

Наконец Ермолаев вышел. Видимо, шум помешал ему смотреть утренний выпуск новостей. Не говоря ни слова, он распинал дерущихся собак, одной рукой сунул Варе рычащего, яростно извивающегося и царапающегося Персика, другой за шиворот увел Громолая домой.

...Любимая летняя маечка была изгваздана и порвана, руки расцарапаны в кровь, на светлые брючки нельзя было смотреть без слез.

Варя «считала раны», стоя на краю газона, по которому, изливая неутоленные страсти, заячьим галопом носился Персик. Варя старалась не упускать его из виду и все-таки не уследила. Она лишь на секундочку отвлеклась, разглядывая глубокую кровоточащую ссадину у локтя, как Персик исчез. Полная недобрых предчувствий, Варя напролом кинулась к кустам в центре газона и опять чуть не разрыдалась вслух.

Персик «деколонился». Так Варин сосед дед Илья однажды назвал этот процесс: «Смотри, Варька, деколонится твой фрукт».

Валяться на всякой вонючей дряни, старательно умащивая кожу ее ароматами — вот что означало «деколониться». Чаще всего Персик «деколонился» на рыбьих останках, брошенных под этими кустами любителями попить пивка на свежем воздухе. Вот и сейчас до Вари донесся знакомый запахок тухлой рыбы.

— Персик!!! — заорала Варя. — Змееныш вредный! А ну-ка домой!

Персик вскочил, весело отряхнулся и галопом поскакал мимо Вари к подъезду. Варя обреченно поплелась следом. Придется теперь отмывать негодяя. Оставлять Персика «надеколоненным» означало вернуться к воняющим тухлой рыбой креслам и дивану. Нет, успеть на работу вовремя не оставалось ни малейшей надежды.

На лавочке у подъезда уже сидел дед Илья, Варин сосед. Вылезши спозаранку на улицу, он смолил «Тройку» и глазел на окружающий мир.

Несмотря на теплынь, на тощих плечах деда висела овчинная безрукавка.

— От сиверга! — проворчал дед, неодобрительно глядя вслед пронесшемуся мимо него Персику. Затем прицепился к Варю.

— Слышь, Варька! Вот зачем вы с Егоровной завели этого кобеля? Никакой от него пользы, окромя вреда.

Варя про себя тяжело вздохнула. Дед Илья — не то препятствие, которое легко обойти.

— Здрости, Илья Васильевич, — вежливо сказала она. — Какой же от Персика вред? Он маленький и безобидный.

— Ма-а-ленький! — ядовито пропел дед. — С ермолаевским кобелем бился — я думал, весь дом разнесут. Одежу вон тебе попортил — скажешь не вред? И брешет цельными днями, покою нету. Я вон давеча придремал на балконе, а он как заголотит! Я, веришь, чуть не обкизьмался. А на той неделе...

— Илья Васильевич, миленький, — взмолилась Варя, — мне надо бежать, на работу опаздываю. Я к вам вечером забегу...

Но дед и не думал отцепляться.

— Ты, девка, меня не подсуётывай! Стой, слушай, чего дед говорит! Бабка вон твоя уж какая была женщина умная, а и то слушала. А ты, горе-луковица, все скок да бряк! Ишь ты, на работу она опаздывает! Ночь-полночь книжки листаешь, энергию жгешь — где ж спозарань встать! Жить-то надо жизнью, а не книжками...

Деда понесло. Сейчас начнет вспоминать «светлое прошлое», потом ругать нынешние порядки, дороговизну, политику, моду и газеты с телевидением. Пока по всем этим темам не пройдет, не отпустит.

Варя от нетерпения подпрыгивала на месте, не зная как уйти. Но тут, на ее счастье, из подъезда вышел другой ее сосед, Игнат Копыток, и остановился, прикуривая.

— Здорово, Васильич! Не вспотеешь? — кивнул он на дедову безрукавку.

— Крови нет, а моча не греет, — философски ответил дед. — Кости-то теперь трухлявые стали, тепло любят.

— Ну-ну. — Игнат повернулся к Варе. — Здорово, соседка! Как жизнь молодая? Не скучаешь по вечерам? А то в гости зайду!

Игриво подмигнул Варе и замурлыкал:

Недаступнай красою прыгожая,
Несустрэтая мара мая...

— Отвянь от девки! — вдруг окрысился дед Илья. — Кобель сивый! Зоське своей спивай!

— Эх, Васильич, кушный ты человек, — завел Игнат. — Шутков не понимаешь.

— Пошуткуй мне, пошуткуй! — ярился дед Илья. — Какая такая она тебе «шмара»?

— Ты, дед, ни шутков не понимаешь, ни сурьеза. Не «шмара», а «мара». «Мечта», значит.

— Мечта-а, — ехидно пропел дед. — У тебя вон жена с детьми дома сидит, а ты размечтался!

— Жена — женой, а мечта — мечтой, — философски изрек Игнат. Бросил окурочок в урну и, посвистывая, отправился по своим делам.

Тут Варя, с интересом слушавшая их болтовню, поспешно шмыгнула в подъезд.

Но ее неприятности еще не кончились. Вбежав на площадку первого этажа, она увидела чудную картину: мстительный Персик, воспользовавшись тем, что остался без присмотра, усердно «подписывал» Громолаеву дверь. Он очень старался, заходил то с одного, то с другого бока, задирает то одну, то другую лапу, и под дверью уже красовалась довольно заметная лужица.

— Персик! Фу!!!

Персик прижал уши и метнулся вверх по лестнице. Варя, мысленно адресуя «подписанту» все известные ей непечатные эпитеты, прибавила шаг. Теперь ко всему прочему придется принести ведро и тряпку с пятого этажа и навести порядок, иначе Ермолаев ей голову оторвет. Ох, ну что за денек выдался!

Нет, успеть на работу не оставалось ни малейшего шанса.

На остановку автобуса Варя пришла в старых джинсах и нелюбимой блузке, которая хоть и смотрелась неплохо, но была из синтетики, и в жару в ней было невыносимо душно.

Зайдя в маршрутку, она сразу же увидела Юрия Сливкова, сотрудника их института, который тоже почему-то опаздывал на работу. Но его это, по всей видимости, ничуть не беспокоило.

Сливков сидел на переднем сиденье, спиной к движению, и лениво пялился на входящих в автобус женщин. Сначала он смотрел на ноги, потом поднимал глаза до уровня груди, а уже потом разглядывал лицо. Это была его обычная манера. Среди коллег в институте Сливков слыл жутким Казановой.

На Варю Сливков не обратил ни малейшего внимания. Не окликнул, не поздоровался, не кивнул. Таких девиц как Варя, «бледных спирохет», он никогда не замечал. Женщина, достойная внимания Юрия Сливкова, должна была, как он говорил, иметь ЖБК, что означало не железобетонные конструкции, а «Жопа-Бюст-Каблуки». У Вари Иваницкой эти параметры были, по всей видимости, ниже всякой нормы, и она никогда не удостоивалась внимания Сливкова.

Варе на Сливкова было наплевать, он ей не нравился, но вот беда — все остальные мужчины, похоже, оценивали женщин по тем же самым показателям. Они тоже не обращали особого внимания на Варю, а это уже было проблемой.

Со своего места Варя разглядывала брюзгливое, как всегда, лицо Сливкова и его волнистые волосы, собранные сзади в хвост. Волнистость, на Варин взгляд, была явно не природной. Ва-

ря представила Сливкова, спящего в бигуди, и брезгливо скривилась. С некоторых пор она относилась к Сливкову прямо-таки враждебно.

Во-первых, полгода назад Сливков закрутил роман с Вариной подругой Идой. Ида цвела и пахла французскими парфюмами, на которые тратила бешеные деньги. Но продолжалось это недолго. По-видимому, нашлась женщина с ЖБК более высокого класса, и Сливков дал Иде отставку. Как говаривал дед Илья, *по-матрасил* и бросил. Теперь Ида ходила бледная и злая на всех, особенно почему-то на Варю.

Во-вторых, Ида, еще во время бурного романа со Сливковым, как-то озвучила его мнение о ней, Варе. Как уж у них зашел разговор о Варе — неизвестно, но Сливков выразился так:

«Тоща как моща, вместо титек два прыща».

Варю это рифмованное хамство болезненно задело. Ну что плохого она сделала Сливкову, за что он ее так? Да и Ида могла бы воздержаться, не цитировать с веселым смешком сливковские вирши. Впрочем, Ида никогда не стеснялась чересчур откровенно высказываться в Варин адрес.

Автобус резко трянуло, Варя еле успела схватиться за поручень. Пожилая тетка в узорчатой капроновой панаме, сидевшая рядом со Сливковым, не удержала равновесия и повалилась на него. Сливков резко дернулся и брезгливо отшатнулся. Варя злорадно захихикала про себя.